

М. А. САЛМИНА

К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище»

«Сказанием о Мамаевом побоище» занимались многие исследователи начиная с XVIII в. О нем написано много работ, из которых основополагающими по праву считаются труды С. К. Шамбинаго¹ и А. А. Шахматова.² Новейшие исследования, посвященные «Сказанию», принадлежат Л. А. Дмитриеву³ и В. С. Мингалеву.⁴

Цель нашей статьи — уточнить время создания «Сказания о Мамаевом побоище». Но решить этот вопрос можно, лишь последовательно рассмотрев два других: о соотношении его редакций и о месте Лондонского списка «Сказания» в истории текста памятника. Это тем более важно, что по обоим вопросам существуют различные, порой взаимоисключающие, мнения.

* * *

Какую из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» считать ближайшей к авторскому тексту? Вопрос этот был предметом спора еще А. А. Шахматова и С. К. Шамбинаго. Из четырех основных редакций,

¹ С. К. Шамбинаго. 1) Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; 2) Сказание о Мамаевом побоище. Изд. ОЛДЦ, вып. 125, СПб., 1907.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).

³ Л. А. Дмитриев. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—199; 2) Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 140—155; 3) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржигза, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 406—448; 4) Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, стр. 449—480; 5) Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, стр. 481—509; 6) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1966, стр. 239—263; 7) Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 385—439; 8) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1973, стр. 155—179.

⁴ В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР, вып. 2. М., 1966, стр. 55—72; 2) Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА. — Советские архивы, 1970, № 6, стр. 104—105; 3) К методике решения некоторых гуманитарных задач с помощью ЭВМ. — В кн.: Применение комплекса вычислительных средств «Ртута-110» в народном хозяйстве. Материалы научно-технического семинара 20—22 октября 1970 г. Вильнюс, 1970; 4) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Автореф. канд. диссертации. Москва—Вильнюс, 1971.

на которые С. К. Шамбинаго разбил многочисленные тексты «Сказания»,⁵ первоначальной он считал ту, которая читалась в Никоновской летописи.⁶ Вторая редакция, по мнению С. К. Шамбинаго, находилась в летописи, которую теперь принято называть Вологодско-Пермской. К третьей редакции исследователь относил вариант «Сказания», в котором литовский князь, в отличие от двух первых редакций, назывался не Ягайлом, а Ольгердом, к четвертой — вариант, который был дополнен различным рода вставками, носящими характер отдельных повестей.

А. А. Шахматов тесно связывал историю произведений с историей включающих их летописей и считал, что редакция «Сказания» в поздней Никоновской летописи не может быть первоначальной. Первоначальная редакция, по мнению А. А. Шахматова, восстанавливается на основе второй и третьей редакций.⁷

Новая точка зрения в вопросе очередности редакций была высказана Л. А. Дмитриевым, изучившим около 100 списков «Сказания». Приняв предложенное С. К. Шамбинаго деление текстов «Сказания» на четыре основных редакции, Л. А. Дмитриев, однако, первой редакцией считал ту, которую С. К. Шамбинаго именовал третьей. Эта редакция, дошедшая в подавляющем большинстве списков, была названа Л. А. Дмитриевым Основной. Вторая (вторая и по первоначальной классификации С. К. Шамбинаго) редакция была названа Л. А. Дмитриевым Летописной.⁸ «Сказание», по мнению Л. А. Дмитриева, было сложено в первой половине XV в.⁹

Иную точку зрения выдвинул последний исследователь «Сказания о Мамаевом побоище» В. С. Мингалев, посвятивший ему большую работу. В. С. Мингалев пришел к заключению, что первоначальной редакцией памятника следует считать ту, которую Л. А. Дмитриев назвал Летописной. Основным источником Летописной редакции «Сказания» является «Летописная повесть» о Куликовской битве. Возникновение «Сказания» В. С. Мингалев отнес к 30—40-м годам XVI в.¹⁰

Итак, в настоящий момент существует два различных взгляда в вопросе о последовательности редакций «Сказания». Какую редакцию следует считать первоначальной: Основную, как полагает Л. А. Дмитриев, или же Летописную, как утверждает В. С. Мингалев. Разрешение этого вопроса имеет принципиальное значение, так как иначе судить о времени и обстоятельствах «Сказания» невозможно.¹¹

Какие доводы приводит в доказательство своего положения Л. А. Дмитриев?

⁵ «Сказание» известно в настоящее время в более чем 100 списках. См. об этом в статье: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 387.

⁶ Впоследствии первой С. К. Шамбинаго назвал редакцию памятника, которая читается в Вологодско-Пермской летописи и которую сначала он считал второй (см.: С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 215).

⁷ А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 145—151, 195.

⁸ См.: Л. А. Дмитриев. 1) О датировке «Сказания»..., стр. 185—187; 2) К литературной истории «Сказания»..., стр. 406—409. Соответственно первая и четвертая редакции, по С. К. Шамбинаго, были названы Л. А. Дмитриевым Киприановской и Распространенной.

⁹ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 423.

¹⁰ См.: В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть..., стр. 58, 72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 10—13.

¹¹ Для решения вопроса о том, когда было создано «Сказание», имеет значение выяснение взаимоотношений главными образом между Основной и Летописной редакциями «Сказания». На эти редакции в основном и обращено внимание последних исследователей. Вторичность Распространенной и Киприановской редакций (оба термина — по Л. А. Дмитриеву) не подлежит сомнению (см.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 409—416).

Напомним, что в целом Основная редакция «Сказания» близка Летописной и по содержанию, и по композиции. Но Летописная редакция в отличие от Основной содержит в себе два отрывка, заимствованные из «Летописной повести» о Куликовской битве, — фразу, где говорится, что Мамай «рати ины понаимова — бесермены и армены, фрязы, черкасы, ясы и буртасы», и заключительный рассказ, повествующий о событиях, имевших место после Куликовской битвы. Кроме того (и это главное!), Летописная редакция называет участника Куликовских событий — литовского князя — историческим именем Ягайло (согласно летописным данным), в то время как Основная именует его Ольгердом, который умер за три года до Куликовского сражения.

Казалось бы, Летописная редакция, как более «историчная», должна быть ближе к авторскому тексту, чем Основная. Однако Л. А. Дмитриев пришел к заключению, что первоначальной редакцией «Сказания» следует считать ту, в которой литовский князь назван Ольгердом.¹²

Основой для этого Л. А. Дмитриеву послужил рассказ «Сказания» о приходе к великому князю князей Ольгердовичей. Сравнив текстуально рассказ обеих редакций, Л. А. Дмитриев пришел к выводу, что изложение его в Летописной редакции несет следы вторичного происхождения. Приводим ход рассуждений Л. А. Дмитриева.

Основная редакция, рассказывая о переходе на сторону великого князя братьев Ольгердовичей, объясняет их поступок ненавистью к ним их отца. Героем этой редакции является Ольгерд — отец Ольгердовичей, и поэтому в таком объяснении нет нарушения логики.

Летописная редакция, героем которой является Ягайло — брат Ольгердовичей, объясняет тот же самый поступок братьев ненавистью к ним «отца и брата».

Основная редакция

Беста бо те князи отцом своим князем Вольгордом ненавидимы были, мачехи ради, нъ ныне богом възлюблены бысть и святое крещение прияли (ГПБ, О.IV.22).

Беста бо... отцем ненавидима, но паче богом любви..., беста бо есмя крещение прияли от мачехи [с] вои (Лондонский список).

Летописная редакция

...беста бо есмя отцем и братом ненавидими, но богом възлюбени, бе бо есмя едино крещение от мачехи своеи (ЛЮИИ, № 251).

Упоминание одного только «брата» в рассматриваемом отрывке Летописной редакции не обратило бы на себя внимание, так как на протяжении всего текста «Сказания» данной редакции речь идет исключительно о брате Ольгердовичей — Ягайло. Странным представляется то, что рядом с братом называется еще и «отец», который до этого в тексте совсем не упоминался. Формула «отцом и братом», по мнению Л. А. Дмитриева,¹³ могла появиться в тексте Летописной редакции только в том случае, если составитель ее использовал в своем повествовании рассказ редакции Основной, где говорилось об Ольгерде-отце. Слова «и братом» были приписаны составителем Летописной редакции постольку, поскольку своим героем он сделал Ягайло. Иначе появление «отца» в Летописной редакции, действительно, объяснить трудно.

Ход рассуждения Л. А. Дмитриева кажется нам логичным еще и потому, что трудно также представить (и это заметил Л. А. Дмитриев),

¹² Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания»..., стр. 187—190.

¹³ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 417—419.

зачем автору первоначального текста «Сказания» нужно было так подробно и пространно описывать «восстание» Ольгердовичей, если речь с самого начала идет о выступлении против брата. Автор «Сказания», пишет Л. А. Дмитриев, стремится всячески оправдать поступок Ольгердовичей с точки зрения христианской морали, а это потребовалось бы скорее в том случае, если бы говорилось о выступлении сыновей (братьев) против родного отца.¹⁴

Следующее место рассматриваемого рассказа, приводимое Л. А. Дмитриевым, только подтверждает его мысль о первоначальности текста с именем Ольгерда. В письме к брату Дмитрию Андрей Ольгердович пишет.

Основная редакция

Веси ли, брате мой милый, отколе отец наш отверзе от себе, но паче отец наш небесныи присвои нас к себе (список Тимковского).

Веси, брате мой возлюбленный, яко отец наш отврже нас от себе, нъ господь бог, отец небесныи, паче възлюби нас (ГПБ, О.IV.22).

Летописная редакция

Веси ли, брате мои милыи, яко отец наш отверзе нас от себе, но паче отец небесныи присвои ны к себе (ЛОИИ, № 251).

В обоих отрывках текст один и тот же, и тут и там упоминаются и «отец небесный», и «отец земной». Но, если рассуждения об «отце земном» и «отце небесном» органичны для Основной редакции, где действующим лицом повествования является Ольгерд, то неясно, «для чего оно вставлено в Летописную редакцию, где весь конфликт происходит между братьями», — справедливо замечает Л. А. Дмитриев.¹⁵

Справедливым представляется соображение Л. А. Дмитриева¹⁶ и в отношении последующего отрывка (из письма Андрея к Дмитрию Ольгердовичу), когда он говорит, что слово «родителем», появившееся в Летописной редакции, по-видимому под влиянием расположенной ниже цитаты из Евангелия от Луки («предани будете родители вашими, братиею»), должно было заменить собой по смыслу не слово «брат», а слово «отец».

Основная редакция

Смышляем себе отцу противитися нам. Рече же евангелист Лука усты Спасителя нашего: предани будете родители и братиею и умервитесь имени моего ради (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Мы же, братие, то помыслим, что нам отцу противитися. Евангелист Лука рече усты Спасителя нашего: предани будут дети родителями своими на смерт и братиею своею и умервят имяни моего ради (список Тимковского).

Летописная редакция

И помыслив, что нам, родителем, противитися. И евангелист Лука рече усты Спасителя нашего; предани будете родители вашими, братиею, умерти имате имяни моего ради (ЛОИИ, № 251).

¹⁴ Там же, стр. 419—420. Предположение о том, что выражение «отцом и братом» Летописной редакции могло возникнуть под влиянием читающейся в обеих редакциях ниже цитаты из Евангелия от Луки («предани будете родители и братиею» — Основная, «предани будете родители вашими, братиею» — Летописная) и потому является первоначальным — маловероятно, так как буквального совпадения нет.

¹⁵ Там же, стр. 419.

¹⁶ Там же, стр. 419—420.

Проверив ход рассуждения Л. А. Дмитриева, мы склоняемся к тому же выводу. Безусловно, логичнее предполагать, как это и сделано Л. А. Дмитриевым, что текст, наиболее близко стоящий к авторскому, — тот, в котором литовский князь носит имя Ольгерда, т. е. текст Основной редакции «Сказания».

Доводы Л. А. Дмитриева о том, что Основная редакция первоначальна, подтверждаются, как будет показано ниже, и наблюдениями над отдельными чтениями ведущих ее текстов в сравнении с текстами редакции Летописной.

* * *

В. С. Мингалев, как уже говорилось, первоначальной редакцией памятника считает Летописную редакцию «Сказания», которая, по его мнению, «значительно лучше сохранила первоначальный текст, чем любой из... списков Основной редакции».¹⁷ Главным историческим источником «Сказания» является «Летописная повесть» о Куликовской битве. Зависимость от нее «Сказания» «выражается в использовании сюжета, композиционной структуры, историко-фактического материала и отдельных фрагментов текста произведения».¹⁸

Утверждение В. С. Мингалева о том, что Летописная редакция первоначальна, нам, однако, не представляется убедительным. Обратимся к параллельному сравнению списков редакций.

Основную редакцию «Сказания» в настоящий момент представляют около 60 списков, распадающихся, как показал Л. А. Дмитриев, на ряд групп — вариантов.¹⁹ Для сравнения избираем ведущие списки Основной редакции памятника: ²⁰ списки варианта *О* (или Основной группы — по В. С. Мингалеву) XVI в. — ГПБ, О.IV.22,²¹ ИРЛИ, колл. Перетца, № 16 (бывш. 1.114.16. (F.86-II)); XVIII в. — F.IV.231 (аналогичный ему список XVII в. — БАН, 21.3.14); список XVI в. варианта *У* (или «списка Ундольского» — по В. С. Мингалеву) — ГБЛ, собр. Ундольского, № 578,²² список начала XVII в. Р. Ф. Тимковского Печатного варианта,²³ Лондонский список второй половины XVI в.,²⁴ список XVII в. варианта Забелина — ГИМ, собр. Забелина, № 261,²⁵ список XVII — начала XVIII в. варианта Михайловского — ГПБ, собр. Погодина, № 1595.²⁶

Летописная редакция «Сказания» известна по двум спискам середины XVI в. — ЛОИИ, № 251 (Кирилло-Белозерский), ГИМ, Синодальное

¹⁷ См.: В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 10.

¹⁸ Там же, стр. 10—11.

¹⁹ Л. А. Дмитриеву известно свыше 50 списков Основной редакции «Сказания»: Л. А. Дмитриев. 1) Обзор редакций «Сказания»..., стр. 449—470; 2) Описание рукописных списков «Сказания»..., стр. 481—495; 3) Вставки из «Задонщины»..., стр. 387, прим. 6. Дополнительно некоторое число списков Основной редакции было обнаружено В. С. Мингалевым («Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 8).

²⁰ Остальные списки «Сказания» представляют лишь их варианты. См.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания»..., стр. 449—470; В. С. Мингалев. 1) К методике решения некоторых гуманитарных задач..., стр. 109; 2) «Сказание о Мамаевом побоище»..., стр. 9—10.

²¹ См.: Сказание о Мамаевом побоище (Основная редакция). — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 43—76.

²² См.: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище.

²³ Список опубликован И. Снегиревым в «Русском зрителе» (ч. 5, М., 1829).

²⁴ См.: ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 328—341.

²⁵ См.: Сказание о Мамаевом побоище (по Забелинскому списку). — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, стр. 165—206.

²⁶ См.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 16—38.

собр., № 485 (Синодальный) — и списку второй половины XVI в. — ГИМ, собр. Черткова, № 360 (Чертковский).²⁷

Что показал анализ списков обеих редакций?

Ни один из списков Основной редакции не дошел до нас в первоначальном виде. Всем спискам присущи те или иные дефекты, полученные в результате переписки, позднейшие вставки. Не представляет исключения и список ГПБ, О.IV.22,²⁸ избранный в свое время для издания, — в нем имеются и позднейшие добавления. В частности, как показал Л. А. Дмитриев, известие этого списка о встрече Мамаю с Тохтамышем — позднейшая вставка в первоначальный текст из «Летописной повести».²⁹

Но еще более несовершенны списки Летописной редакции. Их дефектность заключается не просто в погрешностях каких-то отдельных чтений — наблюдается испорченность целого комплекса первоначальных чтений по всему тексту и во всех списках.

Остановимся на ряде наиболее характерных примеров.

Списки Летописной редакции содержат явные пропуски. В этом убеждаемся, сравнивая фрагмент памятника, где сообщается о «верном самовидце». В списках Основной редакции читаем: «...видех над вами небо развърсто, из него же изыде облак, яко багрянаа заря..., тѣи же облак испльнен рукъ человеческихъ» (ГПБ, О.IV.22). В списках же Летописной редакции из неба просто «изыде багряна заря», без упоминания «облака», но далее в тексте следует: «...той же облак...», как будто о нем говорилось ранее: «...над вами небо отверъсто, из него же изыде багряна заря..., той же облак исполнен рукъ человеческихъ».³⁰

Подобный же случай видим в эпизоде с переодеванием великого князя. В списках Основной редакции великий князь, «утвердив полки», возвращается «под свое знамение чермное», передает своего коня и свою одежду Михаилу Бренку и «повеле» «тое знамя» «над ним возити» (ГПБ, F.IV.231). В списках Летописной редакции после «утверждения» князем полков «знамя чермное» не упоминается, но далее, после переодевания князя, в тексте читаем, что князь великий «то знамение повеле под ним возити».

Пропуск в текстах Летописной редакции обнаруживается и в рассказе о Василии Великом и Юлиане Отступнике. Как сообщают списки Основной редакции, Юлиан на попытку Василия умилостивить Отступника «златом» — «паче възярися». И тогда «господь» посылает на него воина Меркурия. Тот же самый текст читается и в списках Летописной редакции, но слова «паче възярися» в Летописной редакции отсутствуют. Между тем в короткой фразе «он же паче възярися» заложен большой смысл, так как только после того, как Юлиан «възярися», бог и посылает на него «воина своего Меркурия». В Летописной редакции этот момент смазан.

В Основной редакции литовский князь, размышляя о своих дальнейших планах, говорит: «...елико не доста человеческыа мудрости..., то всуе требовати чюжие мудрости. И николи же бе Литва от Рязани учима бе» (Лондонский список). В списках Летописной редакции читается

²⁷ Все три списка дошли в составе третьей редакции Вологодско-Пермской летописи.

²⁸ См. прим. 21.

²⁹ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 389—390.

³⁰ Аналогичное Летописной редакции чтение содержится Лондонский список. Хотя Лондонский список и относится к Основной редакции, во многих чтениях он совпадает с редакцией Летописной (об этом см. ниже).

только часть фразы, в которой речь идет об общечеловеческой мудрости, и поэтому вся фраза в целом непонятна: «Егда не достало мудрости челоуечи, николи же бо Литва от Рязани не приимаше разума».

Фраза, которую произносит великий князь в одной из молитв: «Не сотвори нам, якоже отцем нашим, наведе на град наш злаго Батыя» (Лондонский список), — в списках Летописной редакции дефектна, так как слова «отцем нашим» в ней пропущены.

В эпизоде перехода через Дон в списках Летописной редакции пропущено указание на субъект действия: «Возрадовашася радостию великою»; ср. в списках Основной редакции: «Сынове русские възрадовашася радостию великою» (ГПБ, О.IV.22).

Списки Летописной редакции изобилуют и другого рода нарушениями в тексте. Так, в сцене описания утра битвы испорченным выглядит текст фразы: «Уже бо руских князеи и воевод и всех удалых людей кони укротеша, глас же трубный кождо под своим знаменем». Не говоря о том, что здесь употреблена неправильная форма глагола «укротеша» (вместо «укротилася?»), глагол этот не подходит по смыслу: выходит так, что перед боем кони успокоились, сделались кроткими. Ср. в Основной редакции: «Уже бо русские кони окрепишася от гласа трубънаго, и коиждо въин идеть под своим знаменем» (ГПБ, О.IV.22). В Основной редакции образ бесспорно первоначальный: кони «окрепились», т. е. взбодрились перед битвой, услышав звуки труб; в Летописной редакции этот образ искажен и обесмыслен: «глас же трубный кождо под своим знаменем». В этой же сцене в списках Летописной редакции непонятно противопоставление «труб» «полкам»: «Татарския же трубы яко онемеша, а руския полки утвердишася». Ср. в Основной редакции: «Татарския же трубы яко онемеша, а руския трубы паче утвердишася» (ГПБ, О.IV.22).

В списках Летописной редакции бессмысленно выглядят в контексте слова «начнем сеци их»: «... два уноши... ркуще полковником татарским: „Кто вы повеле третиби отечество наше. Нам дарова господь стречи его, начнем сеци их, то ни един из них не избысть“»; ср. Основную редакцию: «... два юноши... ркуши полковником: „Кто вы повеле тре[б]ити отечество наше нам бо дарова господь“. И начаша сеци их, и не един от них не избысть» (Лондонский список). Если слова «начнем сеци их» включать в обращение юношей к татарским воеводам, то должно быть «сеци вас», «ни один из вас не избысть». Скорее всего, чтение «начнем» Летописной редакции — производное от «начаша» списков Основной редакции.

Искажение первоначального текста чувствуется в Летописной редакции во фразе князя Владимира, когда он говорит Волынцу: «... что убо пользует наше стояние, то же на смех будет нам, да кому будет нам помощи». Ср. в Основной редакции: «... что убо ползует стояние наше и что наш успех будет, то уже кому имам помощи» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578); «...кая бо польза стояние наше, якии успех будет нам, уже кому имамы помощи» (ГПБ, F.IV.234). Нам представляется, что слова «то же на смех будет нам» вторичны, они заменили слова Основной редакции «и что наш успех будет», совершенно естественный в этом контексте: какую пользу принесет наше пребывание здесь, и в чем будет наша польза, если некому уже будет помогать (речь идет о засадном полке, которому не разрешают раньше времени принять участие в битве).

Вторично чтение слова «господине» во фразе «будет, господине, победа», которую великий князь произносит, обращаясь к Волынцу, списков С и К-В Летописной редакции. Это чтение произошло из выражения «господня» списков Основной редакции: «воля господня да будет» (Лон-

донский список); «будуть победы господны» (ГПБ, F.IV.231). В списке Ч Летописной редакции «господине» заменено на «брате».

В списках Летописной редакции великий князь говорит, обращаясь к воинам: «...братия, видите ли своего чиноначальника...», имея в виду Пересвета, погибшего в единоборстве с татарским богатырем. В списках Основной редакции на месте слова «чиноначальник» читается слово «починальник» (ГПБ, O.IV.22, F.IV.231). Очевидно, что слово «починальник» первично: это тот, кто начал битву. Им и был Пересвет. «Чиноначальник» Летописной редакции является искажением этого слова: оно имеет лишь узкотерминологическое значение — начальник ангельского чина.

Вторично в Летописной редакции и чтение «мертвые» во фразе: «Мнози же мертвые помогаху нам и секуще без милости». Намек на божественную помощь в данном случае в тексте исключен. В списках Основной редакции вместо «мертвые» читается «уязвении». Смысл фразы и состоял в том, чтобы подчеркнуть, что даже раненые помогали уничтожать татар.

В «Сказании» сообщается, что перед битвой великий князь обменивается одеждой со своим любимцем Михаилом Бренком. Татары принимают Бренка за великого князя — он погибает. После боя князь Дмитрий Иванович, склонившись над тремя убитыми воинами — Бренком, Меликом и Тимофеем Волуевичем, произносит речь, которая по смыслу должна быть обращена только к Бренку.³¹ Она читается в целом сходно в обеих редакциях: «Кий бо раб тако можете господину служыти, яко меня ради сам на смерть смыслено грядыше? Вьистинну древнему Авису подобен» (ГПБ, O.IV.22); в Летописной редакции: «Кто бо таков раб могии государю служити, яко мене ради сам на смерть поехал? Воистинну древнему подобился еси Авису». Но в Летописной редакции эту фразу предваряет другая, явно нарушающая смысл: «Братия моя милая, моего дела образа убиени естя»³² (в ГПБ, O.IV.22: «Брате мой възлюбленный, моего ради образа убиен еси»).

В списках Основной редакции читаем такую фразу (приводим ее по Лондонскому списку): Митрополит Киприан благословляет великого князя «и дает ему Христово [знамение. И послав] *священные сборы* с крылосы в градные врата...». В списках Летописной редакции «Сказания» слова, взятые нами в скобки, пропущены, слова же, выделенные нами курсивом, переосмыслены по-своему (в результате пропуска глагола): «...и дасть ему Христово освящение церкви зборныя и с клиросы во градные врата». Текст Летописной редакции обнаруживает явные следы порчи.

В «Сказании» в эпизоде с Арефой приводится обращение воеводы к воинам, смысл которого состоит в том, что тот, кто у земного царя первым почести принимает, должен первым отправляться и к царю небесному. Согласно памятникам житийной литературы, к воинам обращается сам Арефа.³³ Так это отражено и в списках Основной редакции. В списках же Летописной редакции эти слова произносит «един некоторый воевода» — неожиданный дублер Арефы.

В Летописной редакции произошла явная путаница в именах князей, прибывших к великому князю: князь Карголомский одновременно назван

³¹ К Мелику в обеих редакциях великий князь обращается несколько ниже.

³² Такое искажение в тексте наличествует уже в некоторых списках Основной редакции (Лондонском списке, БАН, 21.3.14).

³³ См., например: ВМЧ, октябрь 24, СПб., 1880, стлб. 1857—1858.

и Ярославским, хотя Карголом был уделом Белозерским.³⁴ В тексте упоминается князь Лев Серьпский, хотя удела Серпского вообще не существовало (ср. в Основной редакции: Лев Курбский). Дмитрий Боброк (или Боброков)³⁵ списков Основной редакции в Летописной редакции именуется неправильно — Бобровым.

В Летописной редакции мы сталкиваемся и с осложненными чтениями, не получающими объяснения в тексте памятника. Так, например, согласно спискам Основной редакции, великий князь, отправляясь в поход, берет с собой десять купцов-сурожан, для того чтобы они могли «поведати в дальних землях» о том, что ему «случит бог». Списки же Летописной редакции в этом месте дают свое особое и не совсем понятное чтение: князь берет с собой купцов-сурожан «поведания ради, аще что случится тайно, не поведают вборзе на Москве».

Вызывают недоумение обстоятельства, при которых в списках Летописной редакции происходит «испытание примет». Это, казалось бы, тот случай, когда, если рассуждать логически, свидетелями происходящего должно быть минимальное число лиц, как это мы и видим в списках Основной редакции: на поле выезжают ночью только Волынец и великий князь, при этом именно Волынец берет с собой великого князя. В списках Летописной редакции на поле Куликово выезжает сам великий князь. Новшество состоит в том, что великий князь берет с собой еще и брата своего Владимира Андреевича, и литовских князей. И хотя Волынец здесь как будто и обращается ко всем князьям, разговор все равно происходит только между ним и великим князем, как и в Основной редакции. Все остальные князья производят впечатление «лишних». Появление их здесь по меньшей мере непонятно. И это подчеркивается еще и тем, что в списках Летописной редакции, как и в редакции Основной, Волынец говорит великому князю, чтобы тот «в полцех» никому «не поведал» об услышанном. Весь эпизод в Летописной редакции производит впечатление вторичного.

Вторичность этой сцены в списках Летописной редакции подтверждается еще и следующим обстоятельством. В списках Основной редакции вся сцена заканчивается словами Волынца о том, чтобы князь «рано утре» велел бы воинам «подвизаться на коня своа». Далее в списках Основной редакции следует рассказ о событиях в «нощи» (видение Фомы Кацибя). В Летописной же редакции слова, произнесенные в Основной редакции Волынцем, выглядят иначе и идут от самого автора: «И рано утре начаша на кони свои садитися». Вторичность этого места именно в Летописной редакции подтверждается тем, что идущие теперь от автора слова очутились не на месте. Оказалась нарушенной хронология событий: сообщение об утренних событиях: «... и рано утре начаша на кони свои садитися» — предварило сообщение о событиях предыдущей ночи (видение Фомы Кацибя).³⁶

³⁴ См.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 2. СПб., 1891, стр. 170.

³⁵ См.: Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 500.

³⁶ О вторичности Летописной редакции говорит, на наш взгляд, и следующий пример. Одно из изречений в списках Летописной редакции читается следующим образом: «Аще кто держит в сердце добрая детели, то может быти безо многих врагов». В списках же Основной редакции имеется указание на обязательность врагов, и эта мысль о врагах отвечает традиционным представлениям о судьбе праведника: «... аще кто держится добродетели, то не может безо многих врагов быти» (список Тимковского).

Следы вторичности несет на себе текст Летописной редакции и в целом. В нем обнаруживается тенденция к сокращению некоторых фраз, читающихся в списках Основной редакции, к объединению в одном предложении двух.³⁷ При этом, как мы уже видели и на приведенных примерах, составитель редакции проявлял небрежность. Сокращая текст, казалось, он не вникал в смысл его и не заботился о сохранении образа.

Порой, напротив, мы сталкиваемся в Летописной редакции с появлением новых чтений, не встречающихся в других текстах.³⁸ В Летописной редакции обнаруживается также и дублировка текста.³⁹

Итак, наблюдения, сделанные нами над текстами Основной и Летописной редакций «Сказания», показывают, что текст Летописной редакции не мог служить оригиналом для редакции Основной. Текст Летописной редакции избилует чтениями явно вторичного по отношению к чтениям Основной редакции происхождения. И эти чтения необратимы, они могли возникнуть только из чтений редакции Основной.⁴⁰ В то же время показания, которые мешали бы считать текст Основной редакции по отношению к редакции Летописной вторичным, отсутствуют. Это обстоятельство невозможно игнорировать.

Эпизодическая текстуальная близость Летописной редакции «Сказания» к тексту «Летописной повести» не может служить показателем первоначальности ее текста. «Летописная повесть» была в числе источников «Сказания» (см. ниже), но отмеченные нами случаи заимствования Летописной редакцией «Сказания» целых отрывков из «Летописной повести» — факт вторичного обращения «Сказания» к «Летописной повести». Историческое имя Ягайло, как предполагал еще А. А. Шахматов,⁴¹ по-видимому, было вставлено в «Сказание» лишь тогда, когда существовавшее до того в отдельных списках «Сказание» поместили в XVI в. в летопись (Вологодско-Пермскую) и когда имя Ольгерда невозможно было бы оставить в тексте хотя бы потому, что ранее, под 6885 годом, в летописи сообщалось о его смерти. Тогда, по-видимому, и обратились к «Летописной повести».⁴² Первоначальное имя Ольгерда заменили историческим именем Ягайло, а в текст «Сказания» из «Летописной повести» сделали две вставки. Сходный случай мы наблюдаем со «Сказанием» при помещении его в Никоновскую летопись: литовский князь

³⁷ Так, например, вместо фразы, произносимой литовскими князьями, в тексте Основной редакции «Тебе же ныне, государю великому князю, оставити смерътнаа, буйными глаголы глаголати, и теми словесы крепится вѣйско твое. Мы убо видм, яко много множество избранных витязей в вѣйску твою» (ГПБ, О.IV.22) в Летописной редакции читаем: «Тем бо словесем крепится великое войско твоих князей». При этом в Летописной редакции осталось неясно, какими «словесами» должно «крепиться» войско великого князя.

³⁸ Так, к словам, читающимся во всех текстах: «...князь... поиде к Москве радуся, яко многоценно сокровище обрете», в списках Летописной редакции добавлено: «...не помышляя ни на злато, ни на серебро, ни на богатество».

³⁹ В Летописной редакции: «Солнце им со востока съяет, а по них кроткий ветрец веет» (в Основной редакции вместо «а по них кроткий ветрец веет» читаем «путь ему поведает») и далее в тексте: «спереди ему солнце сияет... а по нем кроткии ветрец веет» (в Основной редакции так же).

⁴⁰ Трудно было бы допустить также, чтобы составитель Основной редакции, взяв за основу текст редакции Летописной, не только начисто переделал конец «Сказания», сложенный в Летописной редакции по «Летописной повести», но и смог изъять немногословную фразу о народах, выступивших на стороне Мамай, попавшую в Летописную редакцию «Сказания» также из «Летописной повести».

⁴¹ А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 85.

⁴² К «Летописной повести» свода 1448 г. и последующих летописей, а не к расказу 1380 г. Троицкой летописи — источнику «Летописной повести».

здесь также носит историческое имя Ягайло, а весь текст «Сказания» переработан на материале «Летописной повести».⁴³

Таким образом, в подтверждение исследованию Л. А. Дмитриева, и сравнительное изучение чтений Основной и Летописной редакций на протяжении всего текста «Сказания» не позволяет признать первоначальной редакцией «Сказания» редакцию Летописную. Текст ее производит впечатление уже значительно испорченного и удаленного от оригинала.⁴⁴ В решении вопроса о старшинстве редакций мы принимаем точку зрения Л. А. Дмитриева. Основную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище» следует считать первоначальной.⁴⁵

* * *

Из всех известных текстов «Сказания о Мамаевом побоище» Основной редакции наиболее близким к Летописному варианту является текст так называемого Лондонского списка.

Лондонский список «Сказания» (вместе с рядом других произведений, см. прим. 68) представляет собой внелетописную статью Лондонской рукописи второй половины XVI в., отражающей первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи.⁴⁶ Для уяснения взаимоотношений Основной и Летописной редакций «Сказания» Лондонский список представляет несомненный интерес.

Лондонский список «Сказания» имеет все признаки списков Основной редакции. Это самостоятельный (внелетописный) текст, литовский князь в рассказе именуется Ольгердом, в списке отсутствуют присущие Летописной редакции «Сказания» вставки из Летописной повести. Лондонский список (и это уже отмечал Л. А. Дмитриев),⁴⁷ с одной стороны, передает чтения списков группы *О* Основной редакции, сближаясь то с одним из них, то с другим.⁴⁸ С другой стороны — безусловна тесная связь его с Печатным вариантом Основной редакции;⁴⁹ по-видимому, оба списка восходили к общему протографу. Вместе с тем подавляющее боль-

⁴³ См.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания»... стр. 187.

⁴⁴ Напомним также о наблюдении Л. А. Дмитриева, что Летописная редакция «Сказания» несет на себе следы уже вторичного обращения к «Задонщине» (см.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 419—420).

⁴⁵ Как представляется, о вторичности Летописной редакции может косвенно говорить и факт локальности ее распространения: нам известно всего лишь три списка редакции, и все они входят в состав Вологодско-Пермской летописи, имеющей явно периферийный характер.

⁴⁶ См.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 158—165; Я. С. Лурье. 1) The London and L'vov MSS of the Vologda-Perm' Chronicle. The Problem of Reconstructing Grand-Princely Chronicle-Writing of the Early 1470s. — Oxford Slavonic Papers, New Series, vol. V, 1972, pp. 89—100; 2) Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. V. Л., 1973. Варианты из Лондонского списка приведены в ПСРЛ, т. 26 (стр. 345—368). Текст «Сказания о Мамаевом побоище» по Лондонскому списку опубликован также в т. 26 ПСРЛ (стр. 328—341).

⁴⁷ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 389.

⁴⁸ Так, например, только со списком ГПБ, О.IV.22 его сближают чтения: «и възвыси бог»; «предлежит бо нам путь на Северу»; «не глаголи, друже, никому же». Со списком ГПБ, F.IV.231 он сближается в чтении «головы... класть... за великого князя за ласкова» (в Лондонском списке: «головы... сложити за тобя. за ласкова осподаря») и др.

⁴⁹ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»... стр. 389—390; В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище»... стр. 9.

шинство чтений Лондонского списка сближает его с Летописной редакцией «Сказания». Текст «Сказания» Летописной редакции за некоторыми отклонениями⁵⁰ буквально следует Лондонскому списку. Можно привести множество случаев, когда Летописная редакция совпадает в чтениях только с Лондонским списком. Приведем некоторые из них.

Олег Рязанский отправляет посла к литовскому князю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция ⁵¹
	Основной редакции	
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...ум бо его аки детица млада.	...ум бо его аки детице млодо.

Послы от литовского князя и Олега Рязанского приходят к Мамаю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
Везбожный рече: «Облестьми сие писание». И нача думати с алпауты своими (список Тимковского). ⁵²	И чая себе от них облести и нача оканый глаголати с темными своими князи.	И чайше облести, и нача глаголати с темными своими князи.

Дмитрий обращается к князьям после возвращения Василия Тупика.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
...аще кто ея ради постражет (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578). ⁵³	...аще хто ея ради умреть.	...аще кто ея ради умрет.

Владимир Андреевич отвечает великому князю.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
<i>В списках текст иной.</i>	...и умреть меня ради... за православную веру.	...и умрет мене ради... за православную веру.

Обращение Дмитрия к князьям и воеводам перед сбором войск в Москве.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...и писа: всякому възинску.	...и всему войску повеле писати.

Молитва княгини Овдотьи.

Основная редакция	Лондонский список	Летописная редакция
	Основной редакции	
...поразить их... солнце с юга (ГПБ, О.IV.22). ⁵⁴	...поразит их зной сы с юга.	...поразит их зной съ юга.

⁵⁰ Здесь мы подразумеваем чтения, присущие только спискам Летописной редакции.

⁵¹ Здесь и далее примеры из Летописной редакции «Сказания» приводятся по Кирилло-Белозерскому списку Вологодско-Пермской летописи (ЛОИИ, № 251).

⁵² В остальных рассматриваемых нами списках Основной редакции этот текст отсутствует.

⁵³ В списках ГПБ, О.IV.22, собр. Погодина, № 1595, БАН, 21.3.14, ГИМ, собр. Забелина, № 261 текст такой же.

⁵⁴ В списках БАН, 21.3.14, ГИМ, собр. Забелина, № 261, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, ГПБ, собр. Погодина, № 1595 текст подобный. В списке Тимковского: «...похизит их ветр с юга... или зной поразит...».

Войска выходят из Москвы.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	Възв... шу же с востока ветру, и в нем громо... и молния. ⁵⁵	Возвеавшу со востока ветру, а в нем гром и молния.

Князь Дмитрий обращается к полкам перед переправой через реку Оку.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...кто поидеть... по вотчине их...	...кто поидет... по вотчине их...

Литовский князь приходит к Одоеву.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...не подвижеса из Одоева...	...не подвизаяся из Одоева...

Весть о братьях Ольгердовичах доходит до митрополита Киприана.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...таково чюдо слышав...	...такое чюдо слышав...

Эпизод с «испытанием примет».

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	Рече же Волынец великому князю: Слышасте ли сия?	Рече Волынец великому князю: Слышасте ли сия?

Сцена переодевания.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...возити перед ним (список Тимковского). ...над ним возити (ГПБ, F.IV.231). ⁵⁶	...под ним возити...	...под ним возити...

Эпизод с Арефой.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...един по едином скоро под мечь кланяется, видящи убо почесть победы своея (ГПБ, F.IV.231). ⁵⁷	...мечи главы своа клонять, видевши к... живота своего.	...вси главы своа под мечь клоняху, видяху ко-нец живота своего.

Начало битвы.

⁵⁵ Лондонский список пострадал при пожаре, поэтому некоторые слова и буквы выпадают из текста.

⁵⁶ В списках ГПБ: собр. Погодина, № 1595, O.IV.22 текст подобный. В списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 578 «над ним возвысити».

⁵⁷ В остальных списках Основной редакции этот текст отсутствует.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
...плъкы поганых бредуть оба пол, от великиа силы, несть бо им места где разступитися (ГПБ, О.IV.22). ⁵⁸	...пога[н]ых бо много, а месте с них нет.	...поганых много, а места с них нет.

Подобный текст отсутствует.

Пересвет... любчанин.

Пересвет... любчанин родом.

Молитва Владимира Андреевича (в дубраве).

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
<i>Подобный текст отсутствует.</i>	...врагу нашему дьяволу...	...врагу дьяволу...

Владимир Андреевич обращается к воинам после битвы.

Основная редакция	Лондонский список Основной редакции	Летописная редакция
И рече... князь Владимир Андреевич: Известно есть, брате Стефане, видение твое... (список Тимковского). ⁵⁹	И рече же князь Володимер Андреевич: Да известно ли еси, брате, видел. Имите ми, братя, веру...	И рече князь Володимер Ондреевич: Да известно ли еси видел его. Имите ми, брате, веру...

Общность между Лондонским списком и списками Летописной редакции прослеживается даже в чтениях «Сказания», подвергшихся искажению. Так, например, в рассказе «о верном самовидце» в обоих списках пропущено слово «облако» (см. выше); в обоих списках великий князь обращается с речью к группе поверженных воинов, в то время как его речь по смыслу должна быть обращена лишь к одному Бренку (см. выше).

Лондонский список, на наш взгляд, в какой-то мере дает возможность представить, как шло преобразование чтений старших текстов «Сказания», как из текста первоначальной редакции постепенно складывался текст, который впоследствии вошел в Вологодско-Пермскую летопись. Приведем несколько примеров. В сцене описания утра битвы в Основной редакции читаем: «Уже бо русские кони окрепишася от гласа трубънаго, и кождо въин идетъ под своим знаменем» (ГПБ, О.IV.22); в списке ГПБ, F.IV.231 текст уже несколько испорчен: «Уж бо рустии коне укрепишася гласом, кождо под своим знаменем трубным». Летописная редакция дает не только иной, но и, как отмечено выше (стр. 104), искаженный текст: «Уже бо русских князей и воевод и всех удалых людей кони укротеша, глас же трубны кождо под своим знаменем». Лондонский список, безусловно близкий по чтением Летописной редакции и также заключающий в себе уже искаженное чтение «окротеша» вм. «окрепишася» (ГПБ, О.IV.22), «укрепишася» (ГПБ, F.IV.231), все же сохранил еще чтение старших текстов: «[Уже] бо русских князей и воевод и всех удалых люд[ей] кони их окротеша от гласа труб их и кождо по... своим знаменем идяше». Или, например, в Основной редакции читаем: «Татарскои же трубы яко онемеша, а русские трубы утвердишася. Не беся еще полком видети» (ГПБ, F.IV.231); «Татарския же

⁵⁸ В остальных списках Основной редакции (ГПБ: F.IV.231, собр. Погодина, № 1595, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, ГИМ, собр. Забелина, № 261) текст подобный. В списке Тимковского: «Погании же бредут оба пол, негде бо им разступитися, мало есть места им».

⁵⁹ В остальных списках Основной редакции текст иной.

трубы яко онемеша, а руския трубы паче утврѣдишася. Плькы же еще не видятся» (ГПБ, О.IV.22). В Летописной редакции во фразе «Татарския же трубы яко онемеша, а руския полки утврѣдишася. Еще полк с полком не видитца», как отмечалось выше, вторично слово «полки». Вполне вероятно, что выражение «полки утврѣдишася» в Летописной редакции произошло из чтений списка, подобного Лондонскому. Отсутствие в этом списке вторичного упоминания «труб» позволяло объединить слово «полки» последующей фразы с глаголом «утврѣдидшася»: «Татарския трубы аки онемеша, руския же утврѣдидшася. Полки же еще не видятся».⁶⁰

Выше говорилось, что относимое в «Сказании» к Пересвету слово «чиноначальник» Летописной редакции вторично по сравнению с чтением списков Основной редакции — «починальник» (начавший битву). Можно думать, что начало новому значению слова положил список, близкий к Лондонскому.⁶¹ Так, список Тимковского Печатной группы, восходящий к общему с Лондонским списком протографу, дает совершенно бессмысленное, но еще близкое к первоначальному варианту чтение «починальник». Создается впечатление, что «чиноначальник» Летописной редакции — производное из этого слова, попытка его осмысления.

Выше указывалось, что сцена «испытания примет» в Летописной редакции по сравнению с Основной выглядит вторичной (см. стр. 106). Наблюдения над списками Основной редакции, Летописной и Лондонским позволяют, думается, проследить путь, по которому могло идти постепенное искажение первоначального чтения. Посредником, по-видимому, являлся опять-таки список, подобный Лондонскому. В списках Основной редакции на поле Куликово выезжает Дмитрий Вольнец (ГПБ, О.IV.22, F.IV.231, список Тимковского, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, и др.), который берет с собой «великого князя» (в списках ГПБ, F.IV.231 и О.IV.22 доб. «единого»). В Лондонском списке Дмитрий выезжает в поле и берет с собой «еди... князи» (список испорчен). Таким образом, появляется уже множественное число «князи». Так как в Лондонском списке выражение «великий князь» в этой фразе отсутствует, составитель Летописной редакции, по-видимому, принял «Дмитрия» Лондонского списка за великого князя Дмитрия (именно великий князь Дмитрий в списках Летописной редакции и выезжает в поле). Слово «князи» Лондонского списка давало ему возможность ввести новых действующих лиц, что он и сделал, заставив выехать на поле Куликово с великим князем еще и брата его Владимира, и литовских князей, отчего вся сцена с «испытанием примет» только проиграла.⁶²

⁶⁰ В списке Тимковского, восходящего к общему с Лондонским списком протографу: «Татарския же трубы аки онемеша, руския же паче утврѣдишася. Полки же еще не видятся».

⁶¹ В Лондонском списке «[п]очинальник».

⁶² В Летописной редакции «Сказания» в отрывке, где рассказывается о получении великим князем известия от Захария Тютчева, говорится, что великий князь «то слышав, нача сердцем двизатися от ярости и горести наполнишася и начаста ся молити». Глагольная форма «начаста» предполагает действие двух лиц. Между тем в списках Основной редакции — ГПБ, О.IV.22, F.IV.231, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, вариантах Забелинском и Михайловского упоминается лишь великий князь. В Лондонском же списке и списке Тимковского, помимо великого князя, назван и брат его князь Владимир: «Князь же великий слышав то, нача сердцем двизатися и з братом своим с князем Володимиром в ярости и горести наполнишася, и став, нача молитися» (Лондонский список). Тесная связь Летописной редакции с Лондонским списком и списком Тимковского прослеживается на протяжении всего текста. Вполне вероятно, что в употреблении формы глагола «начаста» в Летописной редакции следует видеть отражение чтения списков типа Лондонского и Тимковского, где наряду с великим князем упоминается и брат его Владимир.

Несомненная близость «Сказания» Лондонского списка к «Сказанию» Летописной редакции и только что сделанные наблюдения позволяют предполагать, что источником «Сказания» Летописной редакции был текст «Сказания» в протографе Лондонского списка.⁶³ Однако текст этот был, по-видимому, более исправным⁶⁴ и еще не содержал в себе некоторых индивидуальных чтений Лондонского списка «Сказания»,⁶⁵ отсутствующих как в Летописной редакции, так и в других списках редакции Основной и приобретенных, вероятно, уже на более поздних этапах движения текста. Этот текст должен был заключать в себе и ряд чтений, отразившихся затем в Печатном варианте «Сказания»,⁶⁶ он мог быть и несколько ближе в чтениях к другим спискам Основной группы Основной редакции,⁶⁷ чем Лондонский список. Но в целом текст, легший в ос-

⁶³ «Сказание» самого Лондонского списка не могло быть источником текста Летописной редакции хотя бы потому, что Лондонский список датируется временем более поздним, чем время, в которое сложилась Летописная редакция «Сказания», — второй половиной XVI в. («Сказание» Летописной редакции находится в Вологодско-Пермской летописи 30—40-х годов XVI в.). Представить, что «Сказание» Лондонского списка могло быть извлечением из Летописной редакции, — невозможно. Не говоря уже о том, что пришлось бы предполагать сложное влияние на него списков Основной редакции (с заменой имени Ягайло Ольгердом), необъяснимым осталось бы, почему целый ряд чтений Лондонского списка первичен по отношению к Летописной редакции, почему в нем, как и в других списках Основной редакции, отсутствуют по сравнению с Летописной текстовые нарушения, а также то, каким образом чтения, заимствованные Летописной редакцией из «Летописной повести» о Куликовской битве, могли быть с такой тщательностью изъяты из Лондонского списка «Сказания» (особенно это относится к тексту, где перечисляются народы, пришедшие с Мамаем).

⁶⁴ Текст «Сказания» Лондонского списка содержит много описок.

⁶⁵ В тексте «Сказания» Лондонского списка встречается ряд мелких чтений, отсутствующих в рассматриваемых списках обеих редакций. Так, например, в нем читаем: «Послы же Олгирдовы» вм. «послы» других списков; «юношу добродородна суца см...» вм. «юношу доволна суци смыслом» (БАН, 21.3.14), «юношу... доволна суца смыслом» (Летописная редакция); добавочное «бысть же весть» к чтению «слышавши же Олег князь рязански, что князь великий... иде в сретение безбожному Мамаю»; в нем имеется отсутствующее в других списках указание на «117 нсалом», «псалом 7» и «70» и на «Песнь обновление в дому Давидове 29» при словах, произносимых великим князем в сцене нахождения его в дубраве.

⁶⁶ Печатный вариант Основной редакции «Сказания», как об этом говорилось выше, восходил вместе с Лондонским списком к одному протографу: список Тимковского во многих чтениях совпадает с Лондонским (чтениях, отсутствующих в других списках Основной редакции). Списки Летописной редакции, следуя в основном за Лондонским списком (а не за списком Тимковского), заключают в себе, однако, чтения, отсутствующие в Лондонском списке и в рассматриваемых списках Основной редакции, но наличествующие в списке Тимковского. Так, например, слова «дар посланный» (дар от игумена Сергия) содержатся только в списках Летописной редакции и списке Тимковского. Можно думать, что эти слова находились в протографе, общем для Лондонского списка и списка Тимковского.

⁶⁷ Так, в Лондонском списке и списке Тимковского Печатной группы после слов «отбежит в дальня отоки» отсутствуют читающиеся в текстах списков Основной редакции «Сказания» слова «в Великий Новгород или на Двину». Между тем в списках Летописной редакции «Сказания» эти слова содержатся. В начальной части повести во фразе «... како способствова... великому... князю Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Андреевичу» списки Летописной редакции следуют за чтением списка ГПБ, О.IV.22 Основной редакции, в списках которой — БАН, 21.3.14, ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, а также списках Лондонском и Тимковского читаем: «... како пособствова великому князю Дмитрию Ивановичю Володимерскому» (БАН, 21.3.14). Так же и в выражении «... твою кровию испулены из работы вражья» Летописная редакция следует за чтениями списка Основной редакции ГПБ, О.IV.22: «... твою кровию испулены работы вражиа». В списках Основной редакции — Лондонском: «... твою кровию испулены из работы алостора»; в списке ГПБ, F.IV.231: «... твою кровию испулены суть работы аристора» (ἀριστέρας — роковой, зловещий).

нову Летописной редакции «Сказания», несомненно должен был походить на Лондонский вариант.

В пользу того, что источником третьей редакции Вологодско-Пермской летописи была рукопись, подобная Лондонской, могут служить следующие соображения.

«Сказание о Мамаевом побоище» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи входит в ее состав; в Лондонской же рукописи «Сказание» вместе с рядом больших летописных статей находится вне основного летописного текста.⁶⁸ Интересно то, что третья редакция Вологодско-Пермской летописи, кроме «Сказания», содержит почти все эти дополнительные статьи Лондонской рукописи.⁶⁹ Я. С. Лурье уже высказывал предположение, что эти большие летописные статьи могли быть вставлены внутрь текста Вологодско-Пермской летописи третьей редакции из «первой редакции или непосредственно протографа Л» (Лондонского списка, — М. С.).⁷⁰

Сопоставление текстов третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, которые представлены в Лондонской рукописи в виде отдельных летописных статей, с аналогичными текстами летописей, связанных с традицией Софийской I летописи⁷¹ (свод 1479 г., Софийская II, список Царского Софийской I, Воскресенская летопись), показало, что летописные рассказы третьей редакции Вологодско-Пермской летописи наиболее близки рассказам именно Лондонского списка. Все эти повести в обоих памятниках принадлежат не только к одной редакции; они совпадают

⁶⁸ Лондонский список представляет собой рукопись второй половины XVI в., состоящую из двух томов. Как показано исследованиями В. И. Буганова («О списках Вологодско-Пермского летописного свода...») и Я. С. Лурье («The London and L'vov MSS...») и «Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи...»), занимавшихся определением состава Лондонского списка (листы его были перепутаны при переплете), первый том, начинавшийся введением о расселении племен к Повести временных лет, содержал следующие внелетописные статьи: Послание Василия Федору о рае, статьи 1002 и 1076 гг. о Борисе и Глебе, о смерти Александра Невского, список новгородских архиепископов, известия об испытании вер, о принятии христианства, походе Олега на Царьград, договоре его с греками, рассказы об убийстве Михаила Черниговского, о Калжском побоище, нашествии Батюга, взятии Царьграда турками в 1204 г. Лишь после этих статей в первом томе Лондонского списка следовал летописный текст, начинавшийся заголовком «Временник еже нарицается русских князей» и кончавшийся 1380 г., на середине текста «Летописной повести» о Куликовской битве. Во втором томе, начинавшемся с конца «Летописной повести», летописный текст доходил до 1499 г. Затем следовали внелетописные статьи второго тома — «Сказание о нахождении Темир-Аксака» и «Сказание о Мамаевом побоище».

⁶⁹ За исключением списка новгородских владык, описания походов Олега на Царьград в 907 и 912 гг., договоров с греками 907 и 912 гг. и родословия великих князей (см.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода..., стр. 165).

⁷⁰ Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи..., стр. 54. О том, что составитель третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, помимо Академического списка (второй редакции Вологодско-Пермской летописи), пользовался еще каким-то сводом, откуда им были заимствованы большие летописные статьи, говорил еще А. А. Шахматов (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 351—353). Этим сводом, по его предположению, был «Московский свод» в «редакции 1538 г.» (там же, стр. 353). Лондонский список тогда еще известен не был.

⁷¹ Ни в Никаноровской летописи, к протографу которой восходила Вологодско-Пермская летопись первой редакции, ни во второй редакции Вологодско-Пермской летописи, к которой восходит Вологодско-Пермская летопись третьей редакции, этих обширных летописных статей нет. В основе Никаноровской летописи, по мнению А. А. Шахматова (Отзыв..., стр. 354), до 6926 г. лежит первая редакция Софийской I летописи.

в чтениях⁷² и даже повторяют ошибки друг друга. Так, например, в рассказе 1224 г. о Калкском побоище в обоих ошибочно употреблены слова «кодми» вм. «конми», «шляди» вм. «оляди».⁷³

Далее. Конец «Сказания о Мамаевом побоище» в третьей редакции Вологодско-Пермской летописи со слова «возратися» представляет собой отрывок, заимствованный из «Летописной повести» о Куликовской битве. Казалось бы, этот отрывок «Сказания» по своим чтениям должен был быть близок «Летописной повести» о Куликовской битве, находящейся в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи, представляющем вторую редакцию этой летописи и являющемся источником ее третьей редакции.⁷⁴ Однако исследование показало, что отрывок «Сказания» заимствован не из Академического списка. Он совпадает в чтениях с вариантом «Летописной повести» о Куликовской битве Лондонской рукописи, где эта повесть входит в основной летописный текст.⁷⁵ С чте-

⁷² Небольшие расхождения в чтениях в рассказах Лондонского списка и третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, конечно, имеются. Так, иногда Лондонский список в отдельных чтениях оказывается ближе к СИЛ (ср., например, статья 1002 и 1072 гг. о Борисе и Глебе, Повесть о взятии Царьграда в 1204 г.); в других случаях, напротив, рассказ третьей редакции Вологодско-Пермской летописи сближается с СИЛ (ср. ту же статью 1002 г. о Борисе и Глебе). Для рассказов третьей редакции Вологодско-Пермской летописи характерна тенденция (это отмечалось выше и в отношении «Сказания о Мамаевом побоище» Вологодско-Пермской летописи третьей редакции) к сокращению текстов подобных же рассказов СИЛ, Лондонского списка и их переосмыслений. Это заметно и в рассказе 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба, и в рассказе об убиении Михаила Черниговского, и в статье 1263 г. о смерти Александра Невского, и в Повести о взятии в 1204 г. Царьграда. Например, в Повести о взятии в 1204 г. Царьграда турками в СИЛ читаем: «И одраша двери и рассекоша онбон, бяше окован весь серебром»; в Лондонском: «И одраша двери и рассекоша аонбон, окован быше серебром весь»; в Вологодско-Пермской летописи третьей редакции: «И одраша двери и рассекоша, а они бо бяше окованы вси серебром». Но в рассказах Лондонского списка встречаются (как это отмечалось и в отношении текста «Сказания о Мамаевом побоище» этого списка) чтения искаженные, имеются и свои индивидуальные чтения.

Рассказ о Темир-Аксаке в Синодальном списке Вологодско-Пермской летописи третьей редакции частично отличается от списков Кирилло-Белозерского и Чертовского этой же летописи.

⁷³ Ср. Лондонский список (ИРЛИ, б-ка Сектора древнерусской литературы, шифр $\frac{1970}{564_{1,2}}$, фотокопии), л. 186 и Вологодско-Пермскую летопись (ПСРЛ, т. 26), стр. 68.

⁷⁴ Академический список Вологодско-Пермской летописи (второй половины XVI в.) издан в вариантах в т. 26 ПСРЛ. Его текст заключает в себе не «Сказание о Мамаевом побоище», а «Летописную повесть» о Куликовской битве в варианте Никаноровской и Вологодско-Пермской летописи первой редакции, отраженной в списках Лондонском, Беловского и Оссолинских. Последние два списка являются копиями XVIII—XIX вв. рукописи XVI в., принадлежавшей в XIX в. Я. Лавровскому см.: В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода... (стр. 164). Но «Летописная повесть» о Куликовской битве Лондонского списка, несмотря на опiski и индивидуальные чтения, более близка к повести Никаноровской летописи, чем повесть Академического списка. Академический список по отношению к «Летописной повести» о Куликовской битве и Лондонскому списку часто допускает перестановки слов (например, в конце «Сказания»: «Олег князь» вм. «князь Олег», «к нему приеха» вм. «приехаша к нему», «на него идет» вм. «идеть на него»).

⁷⁵ Текст окончания «Сказания» Летописной редакции, сложенный по «Летописной повести» о Куликовской битве, сходен в чтениях и с текстом Никаноровской летописи, но все же он ближе к Лондонскому списку. Так, например, чтение «возратися отуду в богохранимый град Москву» сходно с чтением Лондонского списка, в то время как в Никаноровской: «возратися отуду в богохранимый град на Москву» (так и в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи). Необходимо отметить, что составитель «Сказания» Летописной редакции, формируя окончание «Сказания» по «Летописной повести» о Куликовской битве, сокращал

ниями Лондонской рукописи совпадает и фраза «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи, заимствованная из начальной части «Летописной повести» о Куликовской битве, где рассказывается о народах, пришедших с Мамаем на Русь.⁷⁶

Таким образом, и отмечавшаяся ранее близость чтений «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи к «Сказанию» Лондонского списка, и связь текста «Сказания» Летописной редакции с «Летописной повестью» о Куликовской битве Лондонской рукописи, и определенная зависимость больших летописных статей третьей редакции Вологодско-Пермской летописи от внелетописных статей Лондонского списка — все это приводит к одному заключению: источником «Сказания» третьей редакции Вологодско-Пермской летописи был протограф Лондонской рукописи.

Имеются основания считать, что этим источником была сама первая редакция Вологодско-Пермской летописи, отраженная Лондонским списком. Во-первых, первая редакция Вологодско-Пермской летописи должна была содержать в себе тот же самый текст «Летописной повести» о Куликовской битве, что и Лондонский список. Во-вторых, первая редакция Вологодско-Пермской летописи, помимо основного летописного текста, по-видимому, также включала в себя дополнительные статьи, — список Беловского, отражающий эту летопись (начиная с 1464 г.), содержит дополнительные статьи, как и Лондонская рукопись.⁷⁷

Первая редакция Вологодско-Пермской летописи является основным источником второй редакции, вторая редакция — третьей.⁷⁸ При создании второй редакции, как предполагает Я. С. Лурье,⁷⁹ имело место вторичное обращение к источнику первой редакции Вологодско-Пермской летописи — к протографу Никаноровской летописи. Создание третьей редакции, по-видимому, сопровождалось вторичным обращением к редакции первой.⁸⁰ Помимо своего основного источника — второй редакции Вологодско-Пермской летописи, составитель третьей редакции использовал дополнительный материал. Вряд ли летописец, чтоб включить в свое произведение новые литературные памятники, обращался в данном случае ко множеству разрозненных источников. Гораздо реальнее предположение, что эти памятники он нашел в комплексе в летописи, которая могла ему быть хорошо знакома и которую мы называем первой редакцией

текст последней; он опускал слова и целые выражения (ср. с текстом Лондонского и Академического списков и Никаноровской летописи). Этот прием характерен вообще для составителя «Сказания» Летописной редакции, как мы отмечали выше.

⁷⁶ В третьей редакции Вологодско-Пермской летописи: «И рати ины понаимова — бессермены и армены, фрязы, черкасы, ясы и бургасы (в «Летописной повести» по Академическому списку: «И еще к тому рати понаимова — бессермены и армены, фрязы, черкасы, и ясы бургасы»); в «Летописной повести» о Куликовской битве Лондонского списка: «И еще к тому рати понаимовах — бессермены и армены, фрязы, черкасы и ясы бортасы»; в Никаноровской летописи: «И еще к тому рати понаимовал — бессермены, фрязы, черкасы и ясы бургасы».

⁷⁷ Внелетописные статьи списка Беловского: Калское побоище, о взятии в 1204 г. Царьграда, об иконе Одигитрии, о смерти Александра Невского. Эти произведения находятся среди дополнительных статей и Лондонского списка. Содержит дополнительные статьи и связанный с традицией Вологодско-Пермской летописи список конца XV — начала XVI в. ГБЛ, Музейное собр., № 3271: о взятии в 1204 г. Царьграда, Калское побоище, о нашествии Батыя, «о Едитеи», «О Талыче», «О княжне Анне», «О новгородцах», «О приходе безбожного царя Ахмута» (см.: Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. . . , стр. 225—227).

⁷⁸ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , стр. 352; В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода. . . , стр. 165.

⁷⁹ Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи. . . , стр. 249.

⁸⁰ Там же.

Вологодско-Пермской летописи. Текст второй редакции Вологодско-Пермской летописи оказался пополненным новыми сведениями, взятыми отчасти из дополнительных статей первой редакции Вологодско-Пермской летописи, отчасти из ее основного текста. «Летописная повесть» о Куликовской битве Академического списка Вологодско-Пермской летописи была заменена заимствованным, по-видимому из первой редакции Вологодско-Пермской летописи, «Сказанием о Мамаевом побоище». Но летописец не просто перенес это произведение в свой текст. Он переработал его, обратившись и к данным изъятый им «Летописной повести» о Куликовской битве. Для этой переделки он, однако, использовал не Академический список. Как показывают текстологические наблюдения, он обратился к «Летописной повести» о Куликовской битве того же самого памятника — к первой редакции Вологодско-Пермской летописи.

Первая редакция Вологодско-Пермской летописи, доведенная до 1499 г., по предположению М. Н. Тихомирова, была составлена в конце XV—начале XVI в. при дворе пермского епископа.⁸¹ Следовательно, в самом начале XVI в. существовал текст «Сказания о Мамаевом побоище», похожий на Лондонский вариант. Этот текст, относимый нами к Основной редакции произведения, заключал в себе, однако, такие чтения, которые говорили о его уже значительной отдаленности от оригинала памятника.

Когда же было создано само произведение?

Мы имеем нижнюю границу даты существования первоначальной редакции «Сказания» — самое начало XVI в. Возможно установление и верхней границы. Обратимся к памятнику, посвященному тем же самым событиям XVI в., — «Летописной повести» о Куликовской битве.

Каково взаимоотношение обоих произведений?

* * *

Вопрос о взаимоотношении «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище» после работ С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова долгое время специально не поднимался. По общепринятому мнению, хронологически первой всегда называлась «Летописная повесть» о Куликовской битве. «Сказание» же, представляющее собой развернутый рассказ, насыщенный различного рода подробностями, считалось возникшим на основе «Летописной повести».⁸²

Недавно к этому вопросу обратился В. С. Мингалев. Исследуя «Сказание о Мамаевом побоище», В. С. Мингалев одной из своих задач поставил выяснение связи этого произведения с другими памятниками Куликовского цикла и, в частности, определение текстурально-композиционной зависимости его от «Летописной повести». Как уже говорилось, В. С. Мингалев пришел к заключению, что «Летописная повесть» была источником «Сказания о Мамаевом побоище».⁸³

⁸¹ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения, вып. III, М., 1948.

⁸² О взаимоотношении «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище» Л. А. Дмитриев упоминает в статье «Публицистические идеи „Сказания о Мамаевом побоище“» (стр. 140—141). О жанровых особенностях обоих произведений писал А. Вайан (см.: A. Vaillant. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. 39, fasc. 1—4, Paris, 1961, pp. 59—89).

⁸³ В. С. Мингалев. 1) Летописная повесть... стр. 55—72; 2) «Сказание о Мамаевом побоище...», стр. 10—11.

Но вывод свой В. С. Мингалев строил, исходя из данных сравнения «Летописной повести» о Куликовской битве с текстами не Основной редакции «Сказания», а Летописной, т. е. той редакции, которую мы, вслед за Л. А. Дмитриевым, считаем вторичной.

Летописная редакция «Сказания» дает примеры безусловной текстуальной близости его с «Летописной повестью», Это касается эпизода, где перечисляются народы, присоединившиеся к Мамаю, и заключительного отрывка, где рассказывается об Олеге Рязанском, Мамае и Тохтамыше. Мы уже отмечали (см. выше), что в этих отрывках Летописная редакция «Сказания» следует «Летописной повести» в ее позднейших вариантах — в варианте Никаноровской летописи—Лондонского списка. Эти отрывки в Основной редакции «Сказания» еще отсутствуют. Будет ли справедливо положение о «Летописной повести» как источнике «Сказания» по отношению к его первоначальной редакции — Основной? Обратимся к сопоставлению текстов.

Сравнивая ведущие списки Основной редакции «Сказания»⁸⁴ со старшими вариантами списков «Летописной повести» о Куликовской битве, относящимися к XV в. (например, в НВЛ, СЛ),⁸⁵ обнаруживаем, что между обоими памятниками имеется бесспорная сюжетная близость (о близости текстологической речь пойдет дальше). Действительно, и в том и в другом произведении рассказ начинается с сообщения о походе Мамая на Русь, при этом и тут и там Мамай советуется перед походом со своими приближенными, вспоминает времена Батые. В обоих рассказах сообщается затем о переговорах Олега Рязанского с Мамаем и князем литовским и Мамаю с этими князьями. И в «Летописной повести», и в «Сказании» князь Дмитрий, узнав о походе на него Мамаю, «впадает в печаль», горячо молится и посылает «по брата своего» Владимира, «по вся князи руские» и «воеводы». И в том, и в другом произведении Дмитрий узнает, что в союзе с Мамаем выступают Олег Рязанский и князь литовский. Дмитрий собирает войско, во главе которого выступает из Москвы, держа путь на Коломну, получает благословение коломенского епископа и, переправившись через Оку-реку, направляется к Дону. У Оки-реки князь «перенимает» «вести от поганых» («Летописная повесть»), «отпускает в поле третью сторожу» («Сказание»). В «Летописной повести» великий князь собирается дать Мамаю «выход» «по крестьянской силе и по своему докончанию»; в «Сказании» он пытается умилостивить Мамаю дарами. К Дмитрию присоединяются князья Ольгердовичи (по «Летописной повести» — еще в Коломне, по «Сказанию» — вблизи Дона). Согласно обоим рассказам, Дмитрий оставляет в Москве своих сыновей и жену Евдокию. Описание горя Евдокии в «Сказании» находит отзвук в «Летописной повести» в плаче жен по ушедшим из Москвы воинам. У Дона (в обоих произведениях) происходит обсуждение вопроса о переправе. Мамаю, узнав о переходе Дона русскими войсками, по «Летописной повести», — «възъярився зраком и смутися умом и распалися лютою яростию», по «Сказанию» — «разжен бысть дьяволом». И тут и там рассказывается о присланном перед битвой игуменом Сергием благословении (в «Летописной повести» — до перехода Дона). И в «Летописной повести», и в «Сказании» Дмитрия уговаривают отказаться от участия в битве «напреди», но великий князь

⁸⁴ См. стр. 102.

⁸⁵ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 344—355.

в обоих случаях отстраняет это предложение и сражается в передних рядах. В обоих произведениях подчеркивается жестокость битвы, сообщается о разгроме и бегстве татар, упоминается о «стоянии» великого князя «на костях», говорится о гибели Мамая в Кафе. «Сказание» называет многие имена воевод, упоминаемые в «Летописной повести» в списке убитых.⁸⁶

Сопоставление старших текстов «Летописной повести» о Куликовской битве с текстами Основной редакции «Сказания», таким образом, показывает, что оба памятника настолько близки друг другу и в сюжетной линии, и в композиционном построении,⁸⁷ и в обращении к одним и тем же фактам, к одним и тем же мотивам, что представляется несомненным — или эти памятники влияли друг на друга, или они восходили к одному источнику.

Как известно, основным историческим источником «Летописной повести» о Куликовской битве был рассказ 1380 г. в Троицкой летописи «о великом побоище иже на Дону».⁸⁸ Этот рассказ послужил составителю «Летописной повести» не только канвой для его повествования. Автор повести, используя исторические данные этого рассказа, включил их в свое изложение в том же стилистическом выражении, в каком они в этом рассказе были записаны.⁸⁹ Не был ли рассказ Троицкой летописи источником и «Сказания о Мамаевом побоище»?

Сопоставление текстов рассказа Троицкой летописи и Основной редакции «Сказания» заставляет, однако, отказать от такого предположения. Стилистическая связь между обоими рассказами отсутствует. Невозможно назвать ни одного факта, ни одной детали, которые наличествовали бы только в «Сказании» и в рассказе Троицкой летописи и которые отсутствовали бы в «Летописной повести». В то же время общих мест «Сказания» с «Летописной повестью» (отсутствующих при этом в рассказе Троицкой летописи) можно привести множество.

Так, только «Летописная повесть» и «Сказание» говорят о том, что перед походом Мамай советовался с приближенными и вспоминал при этом времена Батыя, а Олег Рязанский вел переговоры с Мамаем и литовским князем. Только «Сказание» и «Летописная повесть» называют участниками похода князя Владимира Андреевича и братьев Ольгердовичей.⁹⁰ О движении войск к Коломне упоминается только в этих произведениях. Только в этих памятниках говорится о жене и детях великого князя. Лишь «Сказание» и «Летописная повесть» упоминают об игумене Сергии, о настроении Мамая, о дарах, посылавшихся Дмитрием татар-

⁸⁶ Общие для «Летописной повести» и «Сказания» имена убитых: Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михайло Бренков, Тимофей Волуевич, Андрей Серкизов, Семен Мелик, Александр Пересвет, Федор Белозерский. Но имена Федора Семеновича Белозерского и Тимофея Волуевича «Сказания», по-видимому, следует связывать с «Задонщиной», так как они переданы в этом памятнике так же, как и в «Сказании» (в «Летописной повести» Федор Романович Белозерский, Тимофей Васильевич Акатиевич, нарицаемый Волуй). Имена Михаила Бренкова и Семена Мелика в «Задонщине» отсутствуют.

⁸⁷ Иногда только в обоих памятниках имеет место перестановка отдельных эпизодов. Так, в «Летописной повести» Ольгердовичи присоединяются к войску великого князя в Коломне, в «Сказании» — после выступления рати из Коломны. В «Летописной повести» послание от игумена Сергия великий князь получает еще до перехода Дона, в «Сказании» — после перехода через Дон.

⁸⁸ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 359.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Князь Владимир Андреевич и братья Ольгердовичи упоминаются еще в «Задонщине».

скому князю. Только здесь обсуждаются вопросы о переправе Дона и о том, следует ли великому князю выступать в передних рядах. Только в «Летописной повести» и «Сказании» сообщения об исторических фактах перемежаются лирико-публицистическими отступлениями и риторическими молитвами великого князя.

Тексты «Сказания» Основной редакции и «Летописной повести» дают и примеры текстологической близости обоих памятников.

«Летописная повесть»

И посла по брата своего князя Володимера Андреевича и по всех князей русьских и по великыя воеводы (СИЛ).

«Сказание» Основной редакции

И посла по брата своего по князя Володимера Андреевича в Боровек и по все князи русские скорые гонци разослав, и по вся воеводы местныя (ГПБ, О.IV.22).

И посла по брата своего, князя Володимера Андреевича в своей бо быше отчизни в Боровци и по все князи руския разосла, и по вся воеводы местныя (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

И в «Летописной повести», и в «Сказании» Мамай сравнивается с «ехидной».⁹¹

«Летописная повесть»

Мамай «...аки аспида некая гневом дышуци...», аки некая ехидна прыскаюци...» (СИЛ).

«Сказание» Основной редакции

Мамай «...поиде на Русь, сердитую, яко лев, пыхая, яко неуголимая ехидна» (список Тимковского).

Мамай «...поиде же на Русь, яко и лев ревыи пыхаа, яко неуголимья ехидна...» (ГБЛ, собр. Ундольского № 578).⁹²

Олег Рязанский в обоих произведениях называется «Святополком».

«Летописная повесть»

Не аз почал кровь проливати христианскую, но он, Святополк новый (СИЛ).

«Сказание» Основной редакции

Ныне же сего Олга Рязанского втораго Святополка нареку (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Ныне сего Олга нарече втораго Святополка (список Тимковского).⁹³

Сходно в обоих памятниках описание утра 8 сентября.

⁹¹ На сходство «Летописной повести» и «Сказания» в этом и последующих двух примерах указывал еще А. А. Шахматов (Отзыв..., стр. 94).

⁹² В списке ГПБ, О.IV.22: «Поиде же безбожный на Русь, аки лев ревыи пыхаа, аки неуголимая ехидна гневом дыша». Этот вариант наиболее близок к чтению «Летописной повести», но нет уверенности в том, что это чтение не возникло уже под влиянием «Летописной повести»: конец «Сказания» этого списка испытал на себе влияние «Летописной повести» (см.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 389—390).

⁹³ В списке ГПБ, О.IV.22: «Ныне же сего Олга оканнаго новаго Святоплъка нареку».

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

Въсходящу солнцю и бысть тма велика по всей земли, и мгыляно беше было утро (СЛЛ).

Светающю пятку, въсходящу слънцу, бысть же утро мгыляно (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578).

Свитающю пятку, восходящу солнцю, бывшу же утру мгыляву (ГПБ, F.IV.231).

В обоих памятниках упоминается о том, что у Дмитрия было «три» противника.

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

...всташа на нь три земли и три рати (СЛЛ).

Олег Рязанский: «...откуда ему прииде помочь, яко противу трех нас вооружився» (БАН, 24.3.14).

Олег Рязанский: «...о [т]куду... помощи яко трем нам въоружился» (Лондонский список).

Перекличка заметна и в двух различных эпизодах — в «плаче жен» («Летописная повесть») и «испытании примет» («Сказание»).

«Летописная повесть»

«Сказание» Основной редакции

Слышано бысть... Рахиль... плачущися чад своих... (СЛЛ).

Слыш ах землю плачущюся надвое; едина страна, аки некая жена плачущюся чад своих (список Тимковского).

Слыш ах землю плачущюся надвое; едина бо съ страна, аки некаа жена, напрасно плачущися о чадах своихъ... (ГПБ, O.IV.22).

Таким образом, текстологическое сопоставление «Летописной повести» с Основной редакцией «Сказания» и этой редакции с рассказом «о великом побоище, иже на Дону», Троицкой летописи позволяет говорить лишь о связи «Летописной повести» о Куликовской битве и «Сказания о Мамаевом побоище»; влияние рассказа Троицкой летописи на «Сказание» исключается.

Могло ли «Сказание» быть источником «Летописной повести»?

Текстологические наблюдения, проведенные сравнительно недавно над «Летописной повестью» и «Задонщиной»,⁹⁴ «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище»,⁹⁵ вообще исключают такую возможность. «Задонщина», оказавшая влияние на «Сказание», в свою очередь, испытывала на себе воздействие «Летописной повести». Следовательно, ранее «Летописной повести» «Сказание» возникнуть не могло. Если же мы, вопреки этому заключению, допустим, что «Летописная повесть» была сложена на основе «Сказания», то нам придется встретиться с рядом значительных затруднений. В этом случае мы должны были бы признать, что составителю «Летописной повести» пришлось проделать довольно сложную работу: опустить огромное количество фактов «Сказания» — рассказ «старых еллин» о Батые, рассказы о переходе Мамаю через Волгу и Воронеж, о посольстве Тютчева в Орду. Он должен был бы исключить все сведения о по-

⁹⁴ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 376—383.

⁹⁵ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 385—434.

сылке «сторожей», а также сообщения о неоднократном посещении великим князем митрополита Киприана. Он пропустил бы рассказ о поездке великого князя к троицкому игумену Сергию, рассказ о посещении великим князем «гроба» митрополита Петра и «гробов православных князей прародителей». Он должен был бы отказаться от помещения известий о взятии великим князем в поход гостей-сурожан, о проходах воинов «княгинями, боярынями и воеводскими женами», о выходе из Москвы разными дорогами, об «уряжении» полков на «полях коломенских». Он опустил бы сообщение о Дмитрии Волынце, подробности прихода братьев Ольгердовичей, описание смотра войск, сцену переодевания, сцену «испытания примет», «видение» Фомы Кацибя; ему пришлось бы пропустить известия о единоборстве печенега и Александра Пересвета, известие о «потайном полку» и поисках Дмитрия, сообщение о посещении великим князем погибших на поле битвы, «счет убитым» и еще многие другие подробности. Между тем никаких швов и неувязок, которые обычно возникают при сокращении текста, в «Летописной повести» не обнаруживается. Кроме того (и это главное!), трудно представить себе такой процесс сложения «Летописной повести», при котором автор извлек бы из обширного по объему, использовавшего многочисленные литературные источники памятника — «Сказания о Мамаевом побоище» лишь канву этого произведения, а затем эту канву начал перестраивать бы в стилистической манере летописного рассказа — рассказа «о великом побоище, иже на Доу», Троицкой летописи. Получилась бы невероятно сложная картина создания «Летописной повести». В то же время вполне естественно, что построенная на основе летописной записи «о великом побоище, иже на Дону», Троицкой летописи, вобравшая в себя и стилистические выражения этой записи «Летописная повесть» о Куликовской битве послужила канвой для другого произведения, написанного на ту же тему, но уже в значительно большей степени украшенного всевозможными «литературными» внесениями (из «Задонщины», Жития Александра Невского, Жития Арефы-мученика, устных рассказов и других источников), — «Сказания о Мамаевом побоище». Происходит все большее распространение первоначального документального источника, все большее «украшение» первоначальной, сухой по изложению записи. Такое построение картины сложения «Сказания о Мамаевом побоище» вполне логично.

К заключению о том, что «Летописная повесть» о Куликовской битве предшествовала «Сказанию о Мамаевом побоище» и оказала влияние на него, приводит и ряд чтений «Сказания», перекликающихся с «Летописной повестью». Так, например, об этом уже говорилось выше, и в «Летописной повести», и в «Сказании» князь Олег Рязанский называется «Святополком» («новый Святополк» в «Летописной повести», «второй», или «новый», Святополк в «Сказании»). Однако, как отмечалось исследователями,⁹⁶ роль Олега в «Сказании» значительно отличается от его изображения в «Летописной повести». Фактически приравнивание Олега к братоубийце Святополку в «Сказании» не оправдано. В характеристике, даваемой здесь Олегу, скорее подчеркивается не его измена великому князю, а его скудоумие. Олег Рязанский даже колеблется — не встать ли ему на сторону великого князя.

⁹⁶ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 151.

Другое дело в «Летописной повести». Основной грех, который приписывается в ней князю Олегу Рязанскому, — это «братоненавидение». Приравнение Олега Рязанского к братоубийце Святополку оправдано в «Летописной повести» не только с литературной точки зрения. Дмитрия Шемяку, с которым, как представляется, в 40-х годах XV в. ассоциировался рязанский князь Олег, официальный документ 1447 г. «Послание Российского духовенства» также называл «окаянным Святополком». ⁹⁷ Поэтому чтение «новый Святополк» представляется первичным в «Летописной повести» и вторичным в «Сказании».

Есть основания полагать, что и в следующих чтениях «Сказание» зависело от «Летописной повести». В обоих произведениях, как уже говорилось, Мамай сравнивается с ехидной, а в эпизоде «испытание примет» чтение «Сказания» переключается с «плачем жен» «Летописной повести»: «Слышах землю плачущую надвое, едина страна, аки некая жена плачущая чад своих» («Сказание») — «Слышано бысть... Рахиль... плачущия чад своих» («Летописная повесть»). Предположение о появлении этих чтений в памятниках независимо одно от другого следует исключить. Как эти чтения появились в «Сказании», объяснить трудно. Между тем в «Летописной повести» образ ехидны и описание скорби «жены» по «чадом своим» имели своим источником, как указала В. П. Адрианова-Перетц, ⁹⁸ апокрифическое «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов». ⁹⁹ И в «Сказании» эти чтения появились, по-видимому, уже под влиянием «Летописной повести».

Итак, из всех рассмотренных нами вариантов — считать ли «Сказание о Мамаевом побоище» Основной редакцией памятником, восходившим к рассказу «о побоище, иже на Дону», Троицкой летописи и появившимся, следовательно, независимо от «Летописной повести», или произведением, имевшим «Летописную повесть» в основе, или, наконец, памятником, послужившим канвой для «Летописной повести», — единственно приемлемым, как показывают текстологические сопоставления, оказался второй вариант.

Нет оснований считать «Сказание о Мамаевом побоище» источником «Летописной повести». Нет данных и возводить «Сказание» к источнику «Летописной повести» — к рассказу Троицкой летописи «о побоище, иже на Дону». «Сказание о Мамаевом побоище» Основной редакции было тесно связано с «Летописной повестью», но эта связь предполагает влияние исключительно «Летописной повести» на него.

⁹⁷ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 373—374.

⁹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 87.

⁹⁹ Возможно, что составитель «Сказания» и сам обращался к «Слову на рождество Христово о пришествии волхвов». Так, в отрывке «Сказания», где рассказывается о приходе к великому князю братьев Ольгердовичей, названы «вълсви» и «Ирод», упоминающиеся в этом апокрифе. «Летописная повесть» их не называет. Но даже в этом случае вряд ли мысль об обращении к данному апокрифу не была подсказана составителю «Сказания» «Летописной повестью», на которую он опирается и которая заимствовала из этого апокрифа еще целый ряд значительных фрагментов. Произведение середины XV в., «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», обращалось к этому же апокрифу, по-видимому также воспользовавшись указанием «Летописной повести» (см.: М. А. Салмина. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 97). Любопытно, что в Летописной редакции «Сказания» уже исчезает «жена плачущая чад своих». Это чтение в Летописной редакции «Сказания» заменено другим: «жена, некая двоица». «Чада» вообще не упоминаются.

Таким образом, «Летописная повесть» о Куликовской битве была основным литературным источником внелетописного памятника — Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Но «Летописная повесть» о Куликовской битве, как показало исследование произведения, была создана в конце 40-х годов XV в.¹⁰⁰ Следовательно, ранее этого времени «Сказание о Мамаевом побоище» появиться не могло.¹⁰¹ Оно было создано позднее, в промежутке между серединой XV в. и началом XVI в., — когда с определенностью можно говорить уже о существовании одного из вариантов Основной редакции памятника — Лондонского.¹⁰²

О том, в какой момент этого отрезка времени было сложено «Сказание о Мамаевом побоище», — речь пойдет в следующей статье.

¹⁰⁰ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 372—376. См. также: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1973, стр. 134.

¹⁰¹ Предположение Л. А. Дмитриева о сложении «Сказания о Мамаевом побоище» в первой четверти XV в. (см.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания»..., стр. 423) делалось им, когда «Летописная повесть» о Куликовской битве еще не была изучена и когда ее создание относили ко времени сразу же после событий 1380 г. См. также статью И. Б. Грекова «О первоначальном варианте „Сказания о Мамаевом побоище“» (Советское славяноведение, М., 1970, № 6, стр. 27—36), датирующего «Сказание» серединой 90-х годов XIV в.

¹⁰² Вполне вероятно, что «Летописная повесть» о Куликовской битве Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. носит уже на себе следы «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., стр. 352—353).